

АЛЕКСЕЙ ОСТУДИН

Эффект красных глаз

Москва
Русский Гулливер
2011

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=)6-5
О79

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор Андрей Тавров

Художественный редактор Валерий Земских

О79 Алексей Остудин

Эффект красных глаз. — М. : Русский Гулливер/Центр
современной литературы, 2011 — 124 с.

При написании этих стихотворений ни одна рифма
не пострадала.

ISBN 978-5-91627-066-2

© А. Остудин, 2011
© Елена Барабошкина, обложка, 2011
© Русский Гулливер, 2011
© Центр современной литературы, 2011

Остудин Алексей Игоревич, родился в Казани в 1962 г. Учился в Казанском государственном университете, на Высших литературных курсах при Литературном институте. Публиковался в журналах «Смена», «Студенческий меридиан», «Новый мир», «Октябрь», «Урал», альманахе «Истоки», газетах «Труд», «Литературная газета» и «Литературная Россия». Выпустил шесть книг стихотворений в издательствах Харькова, Киева, Санкт-Петербурга, Москвы и Казани: «Весеннее счастье» (1989), «Шалаши в раю» (1990), «Улица Грина» (1993), «Бой с тенью» (2004), «Рецепт невесомости» (2005) и «Проза жизни» (2007).

Предисловие

Алексей Остудин начал формироваться как поэт еще в конце 70-х — начале 80-х гг. прошлого столетия. Его стихи этого времени, собранные в «Весеннем счастье», первой книге поэта, представляют сейчас большей частью лишь историко-литературный интерес. Либеральный вариант советской поэзии уловлял души юных авторов в многочисленных ЛИТО. Завершение инициации происходило лишь с избранными — в Литинституте. К счастью, далеко не все литературные объединения того времени занимались только предписанной свыше «литературной учебой». Опыт иного, неразрешенного или не вполне разрешенного также передавался с их помощью: четко определенная линия фронта между подцензурной и неподцензурной частями русской поэзии существовала далеко не везде. Уже в «Весеннем счастье» есть тексты, не уместящиеся в прокрустово ложе высококачественного, что и задержало выход книги почти на десятилетие.

Они нашли новее пристанище в «Шалаше в раю», представлявшем собой уже далеко не собрание ювенилий. Вторая книга Остудина — интереснейшее свидетельство поиска своего языка, необходимого для построения индивидуального высказывания. Поэтика разрешенного варианта постакмеизма настойчиво скрещивалась с гремевшим тогда метареализмом, не без помощи не столь громких техник того, за чем в критике закрепилось название полистилистики. За этим процессом гибридизации стоял не только интерес молодого поэта к стихам своих друзей и однокашников, но и более глубокие причины. Лирическому субъекту поэзии 80-х (как считали по крайней мере в одной части поэтического спектра) требовалась новая оптика. Но когда она была получена, выяснилось, что состав времени необратимо изменился.

Известные авторы замолкали или просто теряли свою популярность. Неизвестным пришлось хуже. Казавшиеся очевидными сценарии (как житейские, так и литературные) становились невозможными. Обрушение как официальных, так и неофициальных структур давало возможность для легкого формирования различного идиолекта. Но индивидуальный голос мог остаться никем не замеченным — всем было не до того. В нескольких поколениях чем моложе был автор и чем меньше у него прошлого опыта — тем легче шла адаптация. Поколению Остудина не повезло — для них адаптация была наиболее тяжелой. Многие навсегда перестали писать стихи, некоторые умерли. «Несносным поэтам девяностых» (Виталий Пуханов) не нашлось места в новой литературной реальности из-за промежуточности их положения.

Единственная вышедшая в 90-х книга Остудина — напоминающая рекламный буклет «Улица Грина» — тем не менее зафиксировала завершение поэтического взросления. С тех пор Остудин оставался в основном верен сложившейся поэтике (что, разумеется, не означает застывания в неизменности). Оригинальный сплав позднесоветского постакмеизма с метареализмом (не лишенный идущего от полистилистики иронического отношения к моделируемой действительности) стал средством фиксации дискретных моментов индивидуального сознания и воспринимаемого им мира. Эта черта поэтики Остудина сближает его со многими авторами несколько более младшего поколения, родившимися в конце 60-х гг (о котором писал Илья Кукулин в своей старой статье «Сумрачный лес как предмет ажиотажного спроса...»). Таким образом, несмотря на внешний ущерб от изменения культурного ландшафта, поэт смог извлечь из него внутреннюю пользу.

Стихи Остудина 90-х были собраны и представлены публике уже в книгах, вышедших в первой половине следующего десятилетия — «Бой с тенью» и «Рецепт невесомости». В них вошли, разумеется, и не отличавшиеся от них радикально стихи начала 2000-х. В ситуации неожиданно возникшей общественной аномии естественным выходом для пишущего было обращение к предельно личным ценностям, которые не могли потерять свое значение от трансформации социума. Одними из наиболее очевидных подобных ценностей были воспоминания о детстве и юности (окрашенные, как правило, ностальгически). Они стали общей темой для многих авторов — от Тимура Кибирова до Станислава Львовского. Оказался не чужд этой тенденции и Остудин. В текстах этого времени поэт часто выстраивает кенотаф размывающегося бесценного опыта. Прошлое невозможно вернуть, но можно сохранить память о нем.

Представляется логичным, что сохранения заслуживает не только прошлое, но и настоящее. В книге с говорящим названием «Проза жизни», вобравшей стихи середины 2000-х годов, Остудин делает этот ожидаемый шаг. Внимание к броской детали, яркому образу, характерной сцене позволяет представить некоторый момент жизни в восприятии лирического субъекта. Событие оставляет след, зафиксировать который помогает заинтересованный человеческий взгляд, вооруженный специфической оптикой. Инструментализация метареалистского тропа вместе с паронимической аттракцией, каламбурами и порой макаронизмами позволяет сделать событие почти физиологически осязаемым для рецепиента. Телесность образов находит воплощение в звуковой плотности стиховой ткани: семантика и фонетика идут рука об руку. Жадное внимание к происходящему вокруг растет из понимания неразрывности связи человека и мира. Спасения (паллиатив которого осуществляется в стихе) заслуживает не только антропос, но и космос в целом.

Обратимся же непосредственно к новой, седьмой по счету книге Остудина. Она разделена на три части, каждая из которых образует определенное тематическое единство.

Первый раздел сборника, «Занимательная мифология» посвящен в основном отношениям лирического «я» с предметом его любви и с окружающим его миром. Вселенная становится медиатором чувства героя, под его воздействием природа и культура на краткий момент уподобляются друг другу, что фиксируется с помощью каламбура: «Ференц Лист, срывая подорожник./ зачитался музыкой с листа!» («Небо вокруг»). Остудин не боится пафоса, на что указывают многочисленные риторические вопросы и восклицания. Но любовь обречена на исчезновение: «Вечности замедленная мина/ тикала у мыса Меганом...» (там же). Последний напоминает не только о Мандельштаме, но и о самой трагедии Тезея, Ариадны и Энея — модернистский канон и древнегреческий миф становятся орудиями, с помощью которых поэт доносит свою интенцию до читателей. Иногда Остудин не только уподобляет мир природы миру культуры, но и соединяет подобное сближение с неприкрытой иронией («августа просроченные звезды/ сочные, как упадех-ы, горят» — «Квартирный вопрос»). Сдвиг восприятия может происходить и за счет пастернаковской по генезису приблизительности бросающихся в глаза образов («Раннее утро»).

Все соединяется со всем, и в это общее движение, порождающее метаморфозы, не может не захватывать читателя. Стих повторяет ход времени, тем самым побеждая его:

Кончается наркоз, и - музыка потом,
орудует скрипач нажопкой по металлу.
Май гонит самогон и варит суп с котом,
и липнет языком: алло, аллея, алла!
(«Сумерки»)

*Но оптимизм не отменяет обреченности: «Там, в затрапезных баньках
постепенно,/ повисших на дымах своих картинно,/ любое говорящее полено/ сго-
рит, не превратившись Буратино» («Апрельский марш»). Так, между призна-
нием веселия энтропии и победами над ней, и движется первая часть книги. В
конце концов, благодаря паронимии схожие по звучания слова метонимически
подменяют друг друга, сдвиг звучания обозначит отстраненную позицию лири-
ческого субъекта, и свобода выбора устало продемонстрирует свои не такие уж и
маленькие, но не такие уж и большие возможности:*

И ты, откуда Бог тебя хранит,
имеешь право: прямо и на лево...
(«Запоздалое»)

*Во второй части (называющейся «Такая музыка») Остудин вновь обраща-
ется к изображению любви. Чувство соединяется с иронией, направленной преж-
де всего на переживания самого субъекта («Долгие проводы»). Внешний мир
оказывается абсурдным, хотя и не слишком опасным, быстро и неожиданно
изменяющимся. Он изоморфен внутреннему миру героя («Вдруг бывший клуб обрел
иконостас,/ где колокол забит до полусмерти,/ и бабе лето на дневной сеанс!» —
«Верхний Услон»). Абсурд зачастую неразрывно соединен с нежностью — бес-
смыслица требует осторожного обращения, она хрупка: «... не хватает дождя
под микитки/ часовой у Никитских ворот./ Вставлен в солнце левее грудины/
ртутный градусник башни ТВ...» — «Первое свидание». Впрочем, конкретный
участок мироздания может быть и куда более печальным, и необходимую транс-
формацию приходится осуществлять самому поэту.*

Выгребаем, в будущее вперяь,
так лососи трутся борт о борт -
кажется, торопятся на нерест,
по идее — прутся на аборт.

Снова всё весомо, зримо, грубо:
Из кармана вытянув кастет,
композитор дал роялю в зубы,
вот и льётся музыка в ответ.
(«Такая музыка»)

*Пятистопный хорей со своим традиционным семантическим ореолом «дви-
жения вперед» вместе с просторечной лексикой и грубоватыми тропами делает
ощутимой испытываемую лирическим субъектом жажду жизни, находящую свое
воплощение в стихе. Текст оказывается продолжением самого автора, о чем
проницательно писал применительно к Остудину еще Басинский в своем предис-*

ловии к «Бои с тенью». Впрочем, это почти пантагрюэлистское жизнелюбие немислимо без насмешки (см., например, «Балерину на корабле»). Но кроме этого, витального и иронического регистра, представлен здесь и регистр иронически-скептический («Вот заходит из-под дурака/ чёрной молью битая кровать...» — «Измена»). И все смешивается в бесконечно печальном абсурде человеческого существования, ярко продемонстрированном в стихотворении «Яша». Персонаж последнего, «сутулая фигура речи», терпит в своей повседневной жизни одни неудачи — и в быту, и в еде, и в сексе. Однако сострадание не отменяет эстетического принятия ситуации (совмещенного с этическим отторжением).

В последнем, третьем разделе сборника, который именуется «Ходьба по лужам», Остудин находит идеальный образ, эмблематизирующий отношение лирического субъекта к миру. Он заинтересован происходящим и вовлечен в него, но при этом сохраняет свою автономность, тем не менее подрываемую его чуждостью, чрезмерной легкостью его выбора. Посвященные путешествиям тексты позволяют поэту эксплицитно положение лирического «я», этим отчасти и вызвана их многочисленность («Карты и голуби», «Меконг», «Алказальцер», «Сладкая жизнь», «Сакартвело». «Непал», «Судак», «Время Байкала» и другие). Интереснее всего те из них, где место лирического героя не так однозначно. Хорошим примером может послужить стихотворение «Нимфа Фантхьета», в котором экзотические впечатления обретают исторически обусловленный масштаб, а замысловатая метафорика делает зримой взаимосвязанность событий и вещей. Сам же герой, практически слившийся с поэтом, приобретает некоторые мистические черты:

Компас врёт и часы на руке неверны.
Мне ещё предстоит, предсказаниям вторя,
управлять многовёсельным ливнем луны
в первобытном бульоне Китайского моря.

Эти пальмы когда-то дружили с Москвой...
Попытаюсь сегодня, прокуренный циник,
в жёлтой пене волны обрести статус кво,
как лягушка - в жабо водяных гиацинтов.

Осуществляемое им усилие передается с помощью медлительного и заораживающего четырехстопного анапеста и паронимически обусловленными сдвигами семантики некоторых лексем. Неопределенность осмысляется и переживается как важная ценность, связанная с наличием хотя бы потенциальной свободы. Типичное для прежнего Остудина стремление к надежности несколько корректируется. В стихотворении «Падение во сне» Остудин тонко передает ночное ощущение неуверенности, шаткости. Подобный эффект достигается за счет использования индивидуальной мифологии и чуть-чуть противоречащих друг другу метафор (создающих пространство для догадок): «Пока занимается пчелами млечный дымарь,/ увял на рассвете и шею повесил фонарь». Парная же рифмовка задает же дополнительное ограничивающее условие. В завершающем разделе и книге тексте «Кладбище метафор» действие лирического субъекта оказывается принципиально безрезультатным. Стечение обстоятельств сохраняет лишь случайное, соединяя его с жизнью и смертью пишущего («Кто бы помнил,

что потрясло с Помпеей./ если бы у Плиния не астма!»). И единственным предметом гордости недоумевающего и чешущего в затылке (до царапин) лирического «я» оказывается литературная деятельность, не лишенная метафизических импликаций:

... сыт одним, что вечности потрафил,
с бодуна, плеснул в четыре краски
скан воды на кладбище метафор!

При этом поэт занимается метаописанием собственной поэтики: он алхимически соединяет «воду» жизненных впечатлений с архивом тропов, обеспечивая сохранение памяти о событии.

Подобный механизм в текущей литературной ситуации вновь становится актуальным, в связи с общим открытым возвращением веры в насущность метафизической функции поэзии, пришедшимся на вторую половину 2000-х. В свете этого тренда отчасти сотериологический характер его лирики, присущий ей с давних пор, стал более различим для внешнего наблюдателя. Изменения в контексте повлекли за собой изменения и в поэтической стратегии автора. Некоторые тексты открыто возрождают метареалистскую традицию двадцатилетней давности (прежде в сего в лице Жданова и раннего Паршикова). К примеру, в тексте «Фрустрация» поэт обращается к несколько чуждой для себя торжественной речи, апеллирующей к творчеству Жданова, использующей техногенную образность и высокий слог: «Развязался язык, превращая в процессе молебна/ нимбы в ямбы и наоборот - вот и вся правота./ только - страсть удержать на весу беспилотное небо,/ что боится порезаться, надея на провода». Пока это скорее декларация о намерениях, чем новое кредо, но это один из возможных путей дальнейшей эволюции поэзии Остудина. Ведь тот всегда помнит, что занимается таким делом, в котором нельзя останавливаться (а то недолго и утонуть, как та акула). Впрочем, делать прогнозы в данном случае — занятие неблагодарное. так как у оживленного пути кроме преимуществ есть и недостатки.

Для Алексея Остудина его поэзия — часть единого жизнетворческого проекта. Обычно, когда речь идет о жизнетворчестве, подразумевают какие-то просчитанные безумства. Разумеется, в данном случае о подобной пошловатой тривиальности не может быть и речи. Поэзия для автора этой книги — естественное продолжение жизни иными средствами, что и обуславливает те черты его поэтики в целом и в данном сборнике в частности, о которых мы говорили выше. Эти стихи позволяют сохранить какие-то моменты существования человека и мира. Даже такая, не слишком значительная во вселенских масштабах, победа над небытием имеет некоторый особый смысл. Реальность хрупка и обречена, потому все, что несколько укрепляет ее стены, заслуживает особенного внимания. Репетиции апокастасиса душеполезны: они укрепляют сердце. Поэзия как поэзия занимается далеко не только этим (что бы не мнилось некогда Мэтью Арнольду), но и этим в том числе. Будем же благодарны за непростую работу и приступим собственно к чтению (ожидая, да, ожидая). Мир нуждается не только в сохранении, он жаждет восприятия.

Никита Васильев

**ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ
МИФОЛОГИЯ**

НИЩИЙ

всего лишь weba он просил
и взор являл живую муку,
но кто-то вирус положил
в его протянутую руку...

В эпоху, где не платят за простой,
где баннеры всплывают, как пельмени,
для жизни беззаботной и простой
Бог выберет тебя и не применит!
Удерживая ржанье под узцы,
рассмотришь, что завёрнуто в бумагу:
бесплатный сыр, кондомы и шприцы...
Какая низость — жить на дне оврага!
Отрадно, что на южной стороне...
Хотелось бы, пока не тесно скальпу,
не впасть в морозм в рождественской стране,
и чокнуться с ЖК, бухая в «Скайпе»,
ловить, ломая слово, языком
раздвоенным снежинки пресный крекер:
люля без баб, без точки в горле .com,
всё остальное тоже в человеке!

ЮНОСТЬ ПЕТРА

По феншую включается солнечный фен,
в облаках Исаакий белёс....

Ты дабыла зобавить июнь перемен
красной лентой в проблему волос.

В буреломе твоих удивлённых ресниц
мне не долго ещё куковать.

Вместо корма лови смс-ки синиц
и обрывки зимы киловатт...

А когда провода поездов замело
закровила душа свысока —

так пульсирует, высвобождая крыло
под ладонью голубка лобка.

Город вновь по колена в воде обречён
мыкать корюшку с каменных плит,
потому что капричио или капчо
и отравя цветущих ланит!

НЕБО ВОКРУГ

Двигались по солнечному кругу:
разрывные цепи, хоровод...
Штандр-штандр, где моя подруга?
Гуси-гуси, лапчатый народ!
Помнишь в небесах разводы мела...
Каждый на рассвете — новосёл!
Целоваться в губы не хотела —
просто не умела, вот и всё!
Как же — заграбастал первый встречный!
Обещал — всё будет хорошо?
Помнишь, май просыпал нам на плечи
сумерки, как мятный порошок?
Покупали марочные вина,
клеили конверты языком!
Вечности замедленная мина
тикала у мыса Меганом —
мы, над ней ступая осторожно,
в этой бездне видели с моста:
Ференц Лист, срывая подорожник,
зачитался музыкой с листа!

БАБЬЕ ЛЕТО

Августовское «гитлер капут» —
похотливые липы текут.
Кто отыщется в свежей капусте:
аистёнок, сопливый слизняк —
тяпка рубит наперекосяк
кочерыжку, запутавшись в хрусте.
Остывает уют сентябрю,
на коротком шнуре серебра —
вороха перегладил иллюзий.
Там, где месяц цветёт, двоего,
изо рта выпуская парок
расползаются тучи на пузе.
Эту схему собрал идиот,
втихаря, за диодом диод —
зарядил и замкнул без опаски...
Ты же, мама, меня не буди —
осторожней за плугом иди
гэдээровской детской коляски!

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Жареный петух уже не в теме —
попадает в пятницу впросак...
Собирай потерянное время
и грибы в строительных лесах!

Если первый снег — кора берёзы,
прямо над горою Арарат
августа просроченные звёзды
сочные, как уандех-ы, горят.

Тут, куда ни плюнешь — даль больная
требует аренды за жильё...
Широка страна моя родная,
но инфаркт обширнее её!

ТИШИНА

Море в берег торкалось всю ночь —
не пустили и послали прочь,
Только дым валил из саксофона
будто джаз, как опий подождён.
Пролетела брошенным ножом
обоюдоострая ворона.
Я же погружался в тишину,
будто шёл по шёлковому дну,
до тех пор, пока раздался ветер.
Через вату памяти трубя
раковина слушала тебя —
или поворачивался вертел.
Не поверишь — будет всё ништяк!
Скрюченными пальцами дождя
схвачен под узцы лежащий камень...
Отвечай вопросом на вопрос:
медный всадник — бедный купорос,
твой костёр и тот развёл руками!
Спотыкаясь, чайка воду бьёт
точно в отражение своё!
Ты же вновь изрыщешься по следу...
Попадёшь из этого всего
прямо бесконечности в седло —
знак бессмертия велосипеда!

РАННЕЕ УТРО

А. Сахибзадинову

Опять фехтую спиннингом без толку...
Бензиновым передником шурша,
прижав к груди укачивает Волга
дежурный бакен, будто малыша.
Пока ещё ни холодно, ни жарко —
такую тишь на память засуши...
На тонких лапках бегают байдарка
и хитрой мордой лезет в камыши!
Простреленный утиным криком воздух
хватает ртом солёную росу.
Уже рассвет порезался о звёзды
и копит кровь в ладонях навесу!

«ОМИК»

Там, где не мычат стога двурогие,
на верёвках телится бельё —
соловей кошачьей лапой трогает
сердце непутёвое моё.
И, пугая рыб гудками долгими,
ищет пристань пьяный теплоход...
Запестрел фальшивыми наколками
знаков зодиака небосвод!
Ветра нет, он только приближается,
намотав усищи на кулак!
Мой костёр, как зуб больной шатается —
и во тьму не выпадет никак.
Околдован птичьими уловками,
на похмельном «Омике» опять
уплыву со всеми остановками
дорогих и близких догонять!

СУМЕРКИ

Кончается наркоз, и — музыка потом,
орудует скрипач нажопкой по металлу.
Май гонит самогон и варит суп с котом,
и липнет языком: алло, аллея, алла!
Мы выследим его по пузырькам следов —
дождю неумоготу дышать через тростинку.
Вспорхнувшим мотыльком от сердца отлегло —
но свечка, как часы, страдает нервным тиком.
Татарки мертвецу, грузинки от трусов —
имеет смысл извне, когда возникнет между...
Кустурица — в кустах, забился в люк Бессон,
запущенный стрелой из плечиков одежды.
Летит под стол второй бутылки пустячок...
Пора морщины лба расшнуровать под душем:
пусть время, как вода, сквозь волосы течёт,
и воздух измельчён черёмуховой чушью!

КЛЮЧ ОТ СТРАХА

От синоптиков не отвертеться:
дождь, небритой щекою колюч...
Вот и мелочь, приятная сердцу,
под резиновым ковриком ключ,
что пропах углеродистой сталью,
открывашка, и — вместо свистка.
Я его в эту дырочку вставлю
и согну, покрутив у виска.
Поворот механизма натужен —
не хватает каких-то пружин.
Приглашает индейка на ужин,
а судьба соблюдает режим.
За подкладкой — идеи из меди,
в черепушке копейки звенят.
Как закат отвратительно медлит,
как стихи упоительно злят!
И в стране, где дороги в порядке —
в глушь, в Саратов, поэтов маня,
наступает проходим на пятки
оболденская осень моя!

НАНОВЕСНА

Будто её хулиганы подмяли в подвале,
в копнах сирени хрустит сердцевиной весна.
Город никак не даёт наступить пасторали,
он даже ночью вас на х... посылает во снах!
В глину закован бальзам, ну конечно же Рижский,
как Командор Дон Жуана сводивший с ума.
DVD-ром отказал, видно сдали RW-ишки,
межпозвонковые диски глотают слова.
Вот реактивный — с овчинку, отметил полоской
гать непролазую в газообразной среде.
В крестики-нолики с нами играют погосты,
правом водить первый ход оставляя себе!
Молимся Блогу в предчувствии скорой Валгалы.
Плачем, снимая ладонями слепки с лица.
И, наполняя терпеньем и скукой Байкалы,
пьём эту гадость за лучшую жизнь до конца!

ПРИВЕТ ТЮТЧЕВУ!

Люблю грозу в конце июня,
когда кипит в саду вода,
когда пускают окна слюни
и днём темно как никогда...

Сломив сопротивление Ома,
природной физики азы,
дождь отрясает клубни грома
с трепещущих корней грозы!

Тогда и выстоять не страшно
былинкой в этом кураже.
Сирени гречневая каша
готова к ужину уже...

ИЮньСКИЕ СЛЁЗЫ

Ничего ещё в жизни не кончено:
лес обглодан дождём и готов
обнаружить тайник в колокольчиках
изумрудов с огранкой клопов.

Рыбакам же опять недосол — уха,
что, принохиваясь к тишине,
отличат воровской свист подсолнуха
от команды крапивы «ко мне»!

С перепоя мечтается пристальной.
Брызжет утро, как кровь из соска.
Рассыпаясь, отчалил от пристани
пароход из речного песка.

24

На фарватере будущем пусто ли?
Морду пены забрав под узцы,
он болтает винтами без устали,
спрятав мутную воду в концы.

Будто клячи губа бархатистая,
тянет воля души сахарок.
Если вырасту — стану артистом я,
или каплей слезы между строк...

ОТРАЖЕНИЕ

Лейся, песня, над простором
прямо в лодку рыбака:
мотылёк летит, с пробором,
раздвигая облака,
рассекреченный, как атом,
неустойчив, словно ген —
весь пропитан консервантом,
и практически нетлен!
Это он с гуденьем низким
движется наискосок,
будто виолончелистка
пилит фугу между ног!
Чалясь к пристани бетонной
хватит в жаркой немоте
через трубку патефона
пить сироп Мирей Матэ!
Принимай, вода литая —
выгребаешь неспеша,
а подмышку залетает
отражение стрижа!
На песок горячий пузом —
бац, в прыжке — и над рекой,
к запотевшему арбузу
приморозишься щекой...

АПРЕЛЬСКИЙ МАРШ

Приму на веру оттепель условно
на Волге и тот факт апреля маркий:
облезлый берег Верхнего Услона,
и сгустки облаков, как в детстве манка.

Там, в затрапезных баньках постепенно,
повисших на дымах своих картинно,
любое говорящее полено
сгорит, не превратившись Буратино.

ПОЛНОЧЬ

Рождества будто не было прежде —
столько скоплено сил на потом!
Но морочит какая-то нежить
и бросает лягушкой под ток...
Бес тебя новизной не попутал —
воспари, прикурив от луны.
Без тебя не бывает попуток,
и стучат поезда, как ломы.
Нет в душе ни покоя, ни гнева —
заплати, не скупясь, за извоз!
Пусть любовь упирается в небо,
в бесконечные залежи звёзд —
там уже ничего не исправить.
Прозвенев по Рублёвке рублём
неожиданно врежешься в память
и останешься спать за рулём...

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

Заставляют забыть об обеде,
вылетая из клавиш упруго,
неразлучные «буки» и «веди» —
невдомёк отдохнуть друг от друга.
Монитор, ослепительно липкий
продолжает подобием клона
добавлять в вечереющий «Липтон»
электричество вместо лимона.
Выходи из купели вне жанра —
так пчела, в полосатой попоне,
оставляет дрожащее жало,
разжимая кулак — на ладони.
Тонко блеет пурги ностра коза —
рубит ветки берёз, как мачете.
И цыганские ноздри мороза
рвёт заточенный коготь мечети.
Вот с постиранным возится баба —
ей прищепками щёлкать не просто —
притворилась Андреевским флагом,
расправляя хрустальную простынь!

СВОБОДА

Всё останется в теле:
рук усталых ломы,
две берцовых гантели
и чугун головы.
Злые гроздья свободы
где, условно ничьи,
на ветвях небосвода
громоздятся грачи.
Пусть — ни дома, ни мысли
над тяжёлой водой,
все извилины выси
до последней — с тобой!
Нет нужды материться
и обиды терпеть....
Ты летаешь, как птица,
только некуда сесть!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Рисуй помадой гаснувшей свечи
на зеркале моём узоры Шнитке,
когда луна болтается в ночи,
как пуговица на последней нитке.
Включи электрочайник сгоряча,
быть будто вместе выдумать пора нам —
так алкоголик в поисках ключа,
теряя память, шарит по карманам.
Мне хорошо сегодня, как вдвоём:
ни засухи, ни грозových агоний.
Погашен, но пока не растворён
ноябрь горелой спичкой в самогоне.
Шатаются влюблённые взасос
и трутся друг о друга, словно лодки.
А я опять, предчувствуя мороз —
не высыпаюсь солью из солонки!

СЧИТАЛОЧКА

Прохожее пальто на части рвать
спешат кусты, как рыжие собаки.
За летним краснадео-део-бац
настало турба-урба-синтибряки...
Захлёбываясь дырочкой в свистке,
грязь притворилась ласковой и липкой.
Одна берёза скачет в сосняке —
пролезла из подкладки белой ниткой.
Не пригодился кремом от морщин
туман стеклу с названьем «лобовое»:
порвался гром, сентябрь переборщил,
недосолил и заболел любовью.
Что толку осень в скуке уличать:
она — твоя, красива и капризна!
Не рубаи любимую с плеча —
перечитай Хайяма и Хафиза.
Она всё ходит боком и шипит,
и жрёт остатки разума из плошки,
пока сама дорога не решит
перебежать дорогу чёрной кошке.
Фантазмы недопития — не суть...
Придётся, замерев под небесами,
на солнце дольше, прежде чем чихнуть,
смотреть осоловелыми глазами!

ДЕРЕВЯШКА

Как ты, молекулами хлеба
выкармливая мелких птиц,
деревья прорастают в небо
и падают оттуда ниц.

Встречает гладь реки скитальца
плашмя, а не моги, родной,
ходить по клавишам на пальцах
над перевёрнутой водой!

Обрыва каждый пень скуратов —
бросает клубни кулаков
в живот, податливее ваты.

Ушёл в себя — и был таков...

32

Покамест обмирает сердце,
загривок загодя намьль —
ужо умерит пыл терпельца
казённой мешковины пыль,
оформит перечень историй
остаток рощи небольшой...

Деревья умирают стоя
у человека над душой!

НЕГАТИВ

Последний день жары отсох горчичником,
унялся кашель клевера в цвету,
голубка Турман Ума помрачительно
крупю дождя хватает на лету.

Оливковая ветвь в гнездо пропущена —
катается по дну холодный пух.
И ничего не ведаёт про Пушкина
пацан на голубятне, лопух.

Спускаются к реке стога хромые —
из омота тарашится урла.
Сейчас отец, вытягивая выю,
застрелится перцовкой из горла...

ОСЕННИЙ СОН

Лабораторный дух неистребим —
погоду отравил сульфат аммония!
Случайный дождик в лужах не рябит —
у облака в штанах заело молнию!
Ржавенье листьев — на зиму задел,
их кудри-мудри выгорели в просеках...
Какой алхимик пепла захотел —
дождёмся рождества, тогда и спросите.
Не важно, мусульманин ли, хасид
кошачей желчью выжиг территорию.
Осины преждевременный оксид
опять попал в новейшую историю!

НАЧАЛО СВЕТА

В настроении паническом
перед стужей ноября
бьётся чижик электричества
в нервной клетке фонаря,
а внизу метлою шаркает —
в телогрейке старичок,
перекинув рваным шарфиком
первый снег через плечо!

БЕЛАЯ ГВАРДИЯ

Погоны ветер отпорол,
в овраге, загнанный сипит —
где от восторга топоров
уходит конница синиц —
весь день, предчувствием дрожа,
ему рукой сидеть в ноже,
пока по локти в чертежах
инжира неба инженер —
пусть, сгоряча не наречёт
горшком, а всё посадит в печь.
С карниза целится в зрачок
домоклова прямая речь. -
Капель декабрьская — поклёп
Вот молния мороза — клён,
как будто воздух застеклён,
разбит и снова застеклён!

ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО

Стеклом в окошке сердце ёкнет, и рюмки закудахчут в тон —
ты, как развязаная ёлка, перебралась с балкона в дом
переживать, пока украсят дождём и ветром до поры
когда застолье нос расквасит о разноцветные шары.
Неузнаваема без грима фольги и пряничных бельчат
глядишь из призрачного мира, где до полуночи не спят,
где гром гуляет в стрелках гончих и, кем-то схвачен не с руки,
взорвался базовый галончик, и побежали пузырьки —
дразня бесчувственные губы желанием пропасть скорей...
Уговори, как лесорубов не отрываться от корней,
в разгар рождественского пира гостей не излучать беду,
пусть выжигают бензопилы фигуры ангелов во льду!
Чтоб в пору снежного прибоя пельмени тишины лепить
попробуй в рыхлый запах хвои любовь к порядку нарядить!
Конечно, бытиё итожа, не взять бессмертие в кредит —
надежды цирковая лонжа и ангелу не повредит!
Хозяин взял тебя на мушку, рассасывая валидол,
и словно мягкая игрушка уже забрался под подол!

НЕДОЛЁТ

Снова спички жгут с промокшей серой —
талый воздух жжётся и горчит...
Клювами выцеливают Север
будто намагничены — грачи:
небом, от косых снежинок колком,
выгребать на Родину пора...
Но однажды выключится компас,
а вокруг — ни пуха ни пера...
ни гнезда ни пепельницы, разве
что в ладонях разума одни
вспыхивают звёзды, как оргазмы,
признаком космической любви.
Здесь путей не выберешь окольных,
в торжестве потенциалов и границ...
Разреши, вернутский треугольник —
перелёт моих стеклянных птиц!

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Воспаришь с бодуна — даже камни летают во сне:
что-то мёрзнут глаза, а в руке этикетка с бутылки —
это схема «Ситро», план Маршалла, ручки по весне...
Снег идёт за тобой — так скользят за магнитом опилки.

Так теснится шпана, не решаясь настигнуть пока
смельчака, что вон с той совершал это даже в постели!
По ночным перекатам на нерест идут облака,
подогрев без того сексуальную ярость метели.

Можно вечно Тезеем служить в лабиринте метро —
здесь арго москвичей остаётся, как ужин на завтра...
Мне удастся в игре, где становится «medium» — «про»
ближе к часу поднять на рога своего Минотавра!

39

В эпицентре страны, если плюнешь куда — всё равно
быть героем Эллады другой не найдётся причины...
Мне уже никогда не курить «Золотое руно»,
и луне не сиять из разорванной в драке штанины!

РАЗЛУКА

Я опять обезвожен и бытом измотан,
согласился почти на медаль...
В миндале твоих глаз не найти горизонта —
зелена и бездонна миндаль...

Почему этой прорве чужой угождаем?
Разведённый разлукою спирт
мы давно закусили грибными дождями,
и в снегу огуречном не спим.

Потянись же навстречу разбуженной кошкой:
видишь — веет из печки золу...
и не делай обиженно пальцы картошкой
босиком на холодном полу!

ПРИВЕТ, ВЕСНА!

Закат не умещается в глазу,
и нам, на фоне огненного лайма
уютно, как под деревом в грозу,
стоять и перешёптываться тайно.
Всё остальное — в стойле перемен,
где хруст овса и дили-дили тесно,
пока апрель сползает, как со стен
до синевы раскатанное тесто!
Дождь босиком прошёлся по басам,
в дюралевом тазу собрался весом...
Любовь — продукт возгонки к небесам,
всё остальное пойло — мракобесам!

ОТПУСКНОЕ

Невесом, словно бублик от дырки,
не полезешь за правдой в Бутырку,
а поедешь на остров Майорка
запивать поцелуи касторкой!
А на острове контр-адмиралка
круглый год не морозно — не жарко,
воспалённые чайки бунтуют,
да прибой побережье бинтует...
В гриву тучи залезла нахально
пятернёй однурукая пальма,
и катается дождь до упаду
на рессорах расшатанных радуг!
Разбежишься по гальке и, с ходу,
обнимаешь кипящую воду,
будто заново выкормлен грудью —
оторвись, на Руси — не убудет!

БЕСКОЗЫРКА

Я вышел из детства, в чём был, ты меня не рожала —
я выскользнул искрой в трубу из ночного пожара!
Гудящее пламя казанских проулков и скверов
вылизывало, будто сука, нас — сирых и серых.

Я вышел за квасом с бидоном в июльское утро
во двор, где на лавках — портвейн, а в кустах — камасутра.
Где пеной пивной поднялись тополиные кроны
и старый фокстрот подавился иглой патефонной!

Я вышел в открытый киоск с сигаретами «Космос»
где люк на асфальте и глюк состыкованы косо.
Где шишел и мышел, копейки сшибающий хроник...
Где, Дороти, твой сволочей убивающий домик.

43

Там вечный ремонт и о стены шершавые гулко
котом загулявшим скребётся монтажная люлька.
Дворовый Шумахер с руками в порезах и цыпках
играет джаз-рок на горячей трубе мотоцикла.

Невольники чести, сражались в оврагах, как психи —
разменные карты «козла», «петуха» и «зассыхи»...
Я вышел из детства, а был запечатан в колоде —
ищу в рукаве, только козыри кончились вроде!

ЮНОСТЬ

До победы не праздной труса,
кардинально меняя курс:
зачитаешься снежным Прустом
обнимая в окопе птурс.

Глину плоти привычно месит
артиллерия по своим.
Выхожу из тумана месяц —
из его золотых руин.

Перечёркнута чайна синим,
лезет фауна жрать из нор.
Из канистры глоток бензина —
и стучит на своих мотор!

Выбирай из диет какая:
молока рококо Шанель,
пробивная икра минтая,
прищемлённый дверьми щавель.

Вот русалка торпеды вроде,
Старый Крым, виноград гурьбой...
Настоящее рядом бродит
и займётся ещё тобой!

БЕССОНИЦА

Феном свободы вихры мне ласкала
или вокруг поднималась, пьяна,
хором сирен из Пуччини Ла Скала
со взбаламученной музыки дна.
Зрители — может быть пива налить им?
В горле скворца пузырится любовь.
Сверху моргает на всё аналитик —
кровь на анализ ему приготовь.
Служит вельветом полей занавеска,
дышит изменчивый ракурс теней,
как продолжение молнии блеска
сухо обои трещат на стене.
Милая, где нам с тобой отоспаться
если гроза за окном так близка,
и норovit проскочить между пальцев
глупая божья коровка соска?

МАЛОСТЬ

Дождь доносы печатает нудно,
ну и ты по стеклу барабань!
На суку, где болтался Иуда,
астраханская сохнет тарань.
Банка с пивом, разбитая осень —
пусть её киноварь в монтаже.
Всё любви у Всевышнего просим,
невдомёк, что любимы уже...

ОКТАБРЬСКИЙ ТОСТ

Кому показалось, что вашим и нашим служу?
Какую ищейку сбивает со следа свечение
планктона, в котором я прутиком жизни вожу
рисуя торпеду, и воздух хрустит, как печенье?
На струйках щетины щека проползёт по слезам,
расправит морщины под кожу забившийся ветер:
сорвался опять не обжаренный в масле Сезанн,
и краски скрипят, как его чешуя на портрете.
Кому захотелось обляять хрящи облаков?
Лицензия вида хвостом не метёт по ступеням,
ведь женщин красивых бывает, но мир не таков,
чтоб дичь и охотник на этом сошлись постепенно.
Стремление пазла к познанию никак не уснёт,
отсюда бесстыжих натурщиц грядёт возмутитель....
Прости, божоле, наступает осенний лосьон —
бесстрастной рукой брошу кисть и возьму эти тити!
Какая собака заводит инстинкты твои?
Спираль рукава — часовая пружина пожара...
Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит
и будет стоять, вот за это и выпьем, пожалуй!

ЛИСТОПАД

С утра в окно заглядывают осы —
их купола набиты янтарём!
И ты, родная — золото вопроса,
поэтому терпение сотрём.
Когда упасть грозит всему живому,
когда вода горячая на вкус —
ты мне нежна и взята за основу
стекла любви, в прожилках, словно куст.
Не так ли, в перепадах из зазоров
ты мне нужна по ягоды была,
когда леса и дали Сальвадора
оберегала голая Гала.
Ты звон покоя во вселенском оре,
прощальный взор взорвавшихся ресниц...
На горизонте шахмат скоро море,
а море не проигрывает блиц...
Два слипшихся стакана на буфете,
а дальше — моря скользкая трава,
там паруса высасывает ветер,
затычку чайки выдернув сперва.
Когда сюда с апломбом недоноска
я сквозь осколки времени пролез —
чужая кровь растопленного воска
отозвалась не сразу на порез!

ПОДМОСТКИ ЛЕТА

Разбита в кровь макушка лета,
и на коленках пузыри..
Сухарь штакетника шкелета
грызут крапивы упыри.
Июль на летний трон помазан,
пол неба — тёртый промезан...
Шуршит в овраге протоплазма —
а то засада партизан.
Вот вышел трагик с того Фета
со шпагой молнии в руке,
чтоб громкий дождь на сваях света
прошёлся дурнем по реке.
Ещё клубника в поле зрима,
за ней тряпичный лес повис...
Всё — фальшь и нежить, кроме грима —
и жесь гремит из-за кулис!

ЗАПОЗДАЛОЕ

В пижаме колорадского жука
пребуду я с оконной рамой слитно,
пока довяжет сумерок рука
черешневый вишнёвый ветер свитер.

Моторов копоть впитывает тень,
где рокеры — в короткой рокировке.
И женскую коленку скоростей
переключают жарко и не ловко.

50

Сквозь тишину проедут по оси
на великах не великобританцы,
а Мандельштам — простуженный Осип,
изранен готовальной в школьном ранце.

Успехи географии — не факт:
всплывает чудо-юдо рыба Киплинг
кипит тройная царская Уфа —
в бульоне облака, в томате килька!

Облезлые вигвамы пирамид
заклинит, как окисленные клеммы.
И ты, покуда Бог тебя хранит,
имеешь право: прямо и на лево...

ТАКАЯ МУЗЫКА

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ

Не говори, что время позднее,
вот верный признак потепленья —
снег, свежевывавший из поезда,
мои разбитые колени.

К чему влюблённым мудрость ворона?
Важней ушные перепонки.
Тебе за пазуху даровано
спокойствие души ребёнка:

там сохнет лук в чулке за печкой.
дверь открывается со скрипом,
печалится, что зябнут плечи,
сверчок, владеющий санскритом.

52

А твой герой не вяжет лыка
в разгар свечи и ночи жалок...
В углу шотландская волынка
стоит снопом из лыжных палок.

Он из фольги приклеил фикса,
обиженную скорчил рожу.....
Что из того, что счастье близко,
когда сейчас — мороз по коже!

ВЕРХНИЙ УСЛОН

Мы у пивных палаток били тару,
винтами лодок путались в сетях!
Как раненый боец на санитарях,
висел в зените коршун на локтях.

Былая нежить вынырнет нахально,
и снова опускается в кессон...
Сухой овраг, как кашель — бронхиальный,
и дым костра — поваренный, как соль...

Враги успели скурвиться и спеться...
Вдруг бывший клуб обрёл иконостас,
где колокол забит до полусмерти,
и бабье лето на дневной сеанс!

ЧТО БУДЕТ—ЧТО БУДЕТ!

Млечный путь в низинах заблочен...
Ежевичную корзину ночи
ложкой дёгтя выест до нутра
дзен буддизм будильника с утра.
В зеркало вернусь сознанием торным,
сердце уколов о Тину Тённер.
Тесно в биологове моём:
сказывается усталость стали:
прохудился нипелем в Непале,
а ещё Аполлинер Гийом!
Накануне острова Умберто
лезет на рожон резина ветра
чуткая, как палец на курке,
стали или сплавов по реке...
Светофор подпрыгивает синим,
дышит в спину форточки разиня.
На треноге будущих побед
в щепках ослепительного света
замер телескоп велосипеда
или велескоп-телосипед...
Выгребает жизнь в семнадцать вёсен —
солнце брызги склевывает с вёсел!
Жалко, что теперь! Что было до —
судаком колотится о дно.
Тень воды хрупка и тонконога —
лба её не смей губами трогать....

Склеивать не ты ли уповал
берега? Прислушаешься к рыку —
гром благодарит тебя за рыбу
бумерангом чайки наповал!

СЛУЧАЙНАЯ СВЯЗЬ

Мы с тобою — большая компания,
будто пули в двустволке, вдвоём —
на каком этаже мироздания
лифт по кнопкам пластмассовым бьём?

Чёрный вакуум тросами клацает,
вероятность осечки — пошла...
Словно душу холодными пальцами
расцарапал, а кровь не пошла!

ЧЁРНЫЕ ОЧКИ

На лежаке солёном клавишей залипла,
вся из себя реклама: «бедность не порок»!
Сосед, залётный дрозд с Бискайского залива,
прицеливается, чтоб выклевать пупок.
Штормит сплошной волной — перманганата кальций,
ты, как алмаз в воде невидима почти,
холёный виноград мнёшь лепестками пальцев,
бумажка на носу и черные очки.
Разносчики вокруг орудуют умело:
катранчик с балычка, лаптей арбузных вспых....
Ты, словно Ифигения в Тавриде офигела,
в следах кофейных брызг из родинок своих.
Визжащая под плетью теннисного корта,
где жёлт запретный плод и палачи сильны
вернёшься, как болид, из облака Оорта,
чтоб распахать леса и вызвать дрожь земли!
Воистину фаст-фуд! Какая это скука
наличными платить и жить последний раз...
Сквозь трепет тетивы пройдёшь все кольца лука,
чтоб на меня смотреть не закрывая глаз!

АРИФМЕТИКА ФАРТА

В обрывках газеты украинской ночи,
где умные звёзды полны опечаток —
страдает от голода твой тамагочи,
щелчком, как чапаевец, выбит из чата,
десятый по счёту. Начнём по порядку:
Мел Гипсон — на стройке, Сильвестр — с талоном
спешит к окулисту. Оно и понятно,
что в этом ряду не фартит посторонним...
Своих обучают в секретных спортзалах:
ты — нужная баба, а не потаскуха —
дотронувшись взглядом, взяла и связала
пуловер, в котором давай потоскуем
о юности, нижнем белье наизнанку,
о слове «богема», что от «слава Богу»...
А то, что случилось тогда ямка в ямку,
наверное, просто в ухабах дорога!

ТАКАЯ МУЗЫКА

Свален у забора птичий щебень,
прямо в лужу годовых колец.
В городской окраине ушербной
застоялся дождь, как холодец.

Жизнь не вызывает аппетита
хоть ползёт из новой скорлупы
по асфальту, набрана петитом,
как на пачке гречневой крупы.

Выгребаем, в будущее вперясь,
так лососи трутся борт о борт —
кажется, торопят на нерест,
по идее — прутся на аборт.

59

Снова всё весоמו, зримо, грубо:
Из кармана вытянув кастет,
композитор дал роялю в зубы,
вот и льётся музыка в ответ.

ВОР РОСЫ

Ранней Африкой трепетней лани
головою, как будто жираф,
ты запутался в кроне желанья
пожевать, пожинать пожелав...
Вроде саван саванны не пыльный —
обойти этот льявтник изволь...
Пусть мобильник молчит, как могильник —
недозвон, недопив алкоголь!
Словно ноги раздвинула шторка,
и, проваливаясь в небеса,
романсеро от гарсии хлорки
полирует наждачкой глаза.
Принимай-май послушно, как постриг,
право-вора росы, сгоряча,
хохотать до упада и после
усыпляющей пули врача!

ВОПЛЬ

Снова номер не правильно набран.
Цифровыми измученный гостями,
я соврался, веду себя нагло —
сочини меня заново, Господи!

Понимаю, не Гайдн или Мендель
что-то вроде на уровне Листа бы...
Ты не слышишь меня или медлишь —
или вновь быть боишься освиственным?!

БАЛЕРИНА НА КОРАБЛЕ

«сказал ей Костя с холодком»

Приснись по скайпу, будь любезна!
По скальпу склянки бьют,
матросы пьяные над бездной
икают из кают...
Разлука набирает баллы —
расшатан и поддат,
на горизонте, как шлагбаум,
захлопнулся закат.
Гроза штурмует Торо-Боро —
террариум высок,
он скован столбняком забора,
зарыт в ночной песок.
От штормовых упрячет пагуб
халва слоёных губ,
где видео, как воду с палуб
сливают на Ютуб.
Гудят колокола кессона,
рвёт лёгкие озон.
И в невесомой пачке Соня
плывёт ко мне сквозь сон...

ПРИЗМА ОКТЯБРЯ

У Давида в праще что за камень такой —
не такой ли свистел над моей головой
и пропал, будто в сене иголка?
Наступает октябрь — как же долго!
Захрапел и оскалился конский щавель —
как же долго собирается вещий Олег —
в чемодан уложил вещь за вещью,
оказавшийся нужно чем меньше?
Собираюсь и я воевать времена:
конь встаёт на дыбы, только жмут стремена,
коротка оказалась уздечка...
и жена холодна, как узбечка!
А пергаментом ветхозаветных равнин
вдруг хазар прошмыгнул печенегом раним,
зажимая дырявую печень.....
вижу всё, но помочь ему нечем.

МОРАЛЬ

Вот будущего классика тетрадки...
святой воды ему не пить с лица:
Герасим-сим не топит му-мулатку
Мазай-за-зайцами плыть ленится.

Не у него ли в рубище колодца
в жару темно от звёзд наверняка?
Неве, чтоб уползти туда придётся
разжать мосты, как челюсти жука.

В его столбцах проклонутся ли всходы
колючей проволоки из семян?
Пора, выходит прошлое из моды —
и фантик благодатью осиян!

А ты рискни надменно отмолчаться,
когда всё на планете этой влом —
клонировуй стволовые клетки счастья,
но будь поаккуратней со стволом.

ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ

Прогулял каникулы опять я —
потому, трамваями трендя,
город заключил меня в объятья
за попытку ветра и дождя!
От портвейна сумерек осипнув,
изучаю осени архив,
где листья желтеющей осины
терпят в переплёте из ольхи!
Спахивая пыль, листаю вести
будущих и прошлых непогод,
усижу ли умником на месте,
если время ходит взад-вперёд,
гулом водосточного гобоя
за пределы разума маня...
если, как проклятье родовое,
песня Сольвейг мучает меня?

СТИХИ

С комаром у виска надоедливый ночь коротаю:
многоочие звёзд бесконечно, луны запятая
из диктанта залива, а там золотые лягушки
осыпаются в воду как будто плеснули из кружки.
Что не скажешь, в сравненьи с «Энигмой» светил — всё коряво...
Вспыхнул ветер неоновой лампой в испуганных травах.
Вот затикал сверчок спусковой и в тылу побережья
по сигналу его — диверсантов-стогов перебежки.
Всё, что зрело вокруг и случилось с тобой не напрасно,
в закоулках души обнаружит прибор инфракрасный.
Вот рука погрузилась в скопление кнопок и клавиш...
И теперь, как всегда — не поймёшь ничего, не справишь.

ВОЗМЕЗДИЕ

Не так посмотрел — и постигнет небесная кара
за смерть комара, что задохся внутри портсигара...
за то, что увидел во сне — и чертям не приснится,
постигнет овин и тебя, ну и эту девицу!
Пока не затеплишь в душе покаянную свечку —
свинчаткой пройдётся по рёбрам, а то и картечью...
По-детски нежны, виртуально страну облетая,
угрозыска опыт и пыточный опий Китая.
Однажды уже зарекшись от тюремного чая,
ромашке и ветру в плетне прорычи: чау-чау!
Стигматы не козырь, и в темя нацеленный «стингер»,
настигнет вот-вот...но его та же участь постигнет!

ПОХОТЬ

Подоконник измят подбородком —
жду погоды в своя конура.
Замыканье рябины короткое
распугало ворон со двора.
Вот и нет комариного звона,
хвост павлиний расправил бензин...
Соберу шампиньоны с газона
на продажу в ночной магазин.
Нету нетто и ты, брутто, тоже...
Отражений витрины грома,
барабаном дождя обнадёжен
вышел заяц за мною двумя.
Набивает ягдташ Монтесумы
пустотою, сводящей с ума.
Но в трюмо выплывает из трюма
редкой самки резная корма!
Что замялся, косой — аль неябарь?
Барабанные палочки брось!
Разберём по конфетке ноябрь,
а большая охота — поврозь!

ПОСЛЕДНИЙ БЛИН

Всё кажется твоя рука мне
сигналит с катера платком...
Вода изранена о камни
и притворяется глотком.
А мне чего-то очень жалко,
как заболевшего щенка...
Бежит, подпрыгивая, галка
со спичками от коробка.
Покрышкой на цепи отмечен,
причал — терпению цена!
А вот и мать домой, под вечер,
ведёт за ухо пацана.
Бросаю камушек по глади —
его проглатывает рябь.
Как это выразить в тетради,
выстраивая буквы в ряд?
Воздушным поцелуем с пальцев
и я надежду упустил...
Куда же — за мои шестнадцать —
горячий «блинчик» укатил?

ИЗМЕНА

Засыпая, двигались след в след,
обернулась — я и был таков....
Распечатал медленный рассвет
контурные карты облаков.
Будь моей фантазией пока,
kozyрей старайся не сдавать.
Вот заходит из-под дурака
чёрной молью битая кровать:
сплетена из боевых пружин,
в каждом завитке таится всхлип.
Только копоть прошлого кружит —
потому очкарик снова влип...
Я с тобою медленно живу:
ночь гремит цепями фонарей.
Обижаться грех за дежавю,
будущее прошлого верней.
Город снова в белое одет,
нафталином веет из прорех...
Кончилась горчичка, твой студент
влип, и не спасает «Геормех»!

МЕДИТАЦИЯ

Пространство, босы твои басы...
что ловит Космос мембраной чуткой?
Защита докторской колбасы —
и резь в желудке...
Нирваны боссы твои хотят,
«первак» нарезали, сало глушат —
их ночь вылизывает, как котят,
ломаю уши.
Сказали «пуговицу не крути» —
луна висит на последней нитке.
И с каждым вдохом в твоей груди
скрипит калитка.
Натянуты за струна струной
ночные ивы беззвучно воют,
когда выстреливают за спиной
плевки левкоев.
Мы все в любовниках здесь с тоски,
сидим у Вечности под арестом:
губами трогал её соски —
навёл на резкость?
Рискнул с земли подобрать предлог
высокогорное склеить что-то?
Не левитируешь, будто йог —
уходишь в штопор!

АТЕИСТИЧЕСКОЕ

Видно по причине лета наголо обрита
со стоянки минарета ранняя молитва
до Аллаха выезжает в старом муэдзине.
Тучи возлежат моржами в небе, как на льдине,
шевеля усами колко, вдаль скользят без визы —
их, таких неспешных, только посылать за жизнью...
Плыл бы к ним, раскинув руки, да не вышел мастью...
Вот опять гадаю, ну-ка: есть ли жизнь на Марксе?

КРИЗИС ЖАНРА

Да будет не до мосек, до мазеп...
На сходнях лета осени дзенкую,
не нытик, а холерик-домосед,
собравшийся в любовь сыграть вслепую:

как пианист, иглу вдевая в нить —
за предвкушеньем этого момента
лишь краем глаза можно уследить...
Прекрасна жизнь, и музыка бессмертна!

Прилипла к нёбу солнца карамель,
зной распластался патокой в Шатуре...
Вам пендаль — это вызов на дуэль,
короткий бой — и мясо на шампуре!

73

Светает на душе, едва стемнев.
Фемида дремлет на пути к прогрессу!
Упруго пляшет кожа на спине,
и ветер машет вёслами над лесом!

Пока в огне дровишки не шалют,
в прорехи мухоморов конопатых
пробился клевер — в шубе от шмеля...
и холм — в деревне, будто пень в опятах!

ДОРОГА

Опять к тебе с обочины опасной
раба любви с надеждой руки тянет...
Из-за спины её разметка трассы
короткими строчит очередями.
Хоть грешников рассадит по ранжиру
мир хаоса, что всё-таки Евклидов —
не отыскать местов для пассажиров,
которые с детьми и инвалидов.
Упрёшься в пень, но выйдешь за кавычки
копны люцерны, пущенной на силос,
и некому нарочно чиркнуть спичкой,
чтоб осознать, какая тьма сгустилась...

НЕ МОЁ КИНО

К асфальту фонарями приторочен —
растянут снег и соткан в полотно.
Запущено в прокат до часу ночи
прогулки черно-белое кино.
Известно, чем закончится картина,
понятно, кто кого уговорил!
Помогут ли уплыть из карантина
спасательные пачки балерин?
Курилка жив! В чести герой вчерашний —
нашёлся гардеробный номерок!
Мосты не разведут, как прежде, шашни —
и небо не провалится у ног.
Надеждою на лучшее измотан,
по-прежнему натужен в кураже,
гоняет Джека до седьмого пота
а тот не пишет Идена уже....

НЕВЫНОСИМАЯ ЛЁГКОСТЬ БЫТИЯ

Горят каштановые свечи,
выигрывает солнце в го.
Тебе несут стекло навстречу,
а ты проходишь сквозь него!

Грозит с небес стальная Кали...
Ты, только с радуги сбежал,
пьёшь воду мелкими глотками
из шланга, бьющего в пожар!

Игра в бутылочку из горла,
шестнадцать вёсен — заодно:
любви все возрасты покорны —
последний ряд твоё кино!

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Треплет ветер вихры и одежды,
эхом горло полощет вокзал.
Ты прозреешь, как прежде, но прежде
ожиданьем сломаешь глаза,
прокопчён, будто штамп на открытке —
на перроне долгот и широт:
не хватает дождя под микитки
часовой у Никитских ворот.
Вставлен в солнце левее грудины
ртутный градусник башни ТВ,
На батуте весенней рутины
кувыркаться с девчонкой тебе —
но, ресницами ветер листая,
разглядев её из-за угла,
от любви испугался растаять
и сбежал от чужого тепла!

ПРИШЛА ПОРА

Заходишь в мир застенчиво и выпукло,
готов всегда к измене и и всегда:
на будущий роман не хватит прикупа —
оставишь, что имеешь при себе —
бузишь в тюрьме, читаешь ли Конфуция,
решился ли, в отчаянном прыжке,
переключать каналы плоскогубцами,
уродуя углы на рычажке.
Всё то, что сокращает мышцы гладкие,
в сознании пофазно уберёт:
завис в эпилептическом припадке и
не дотянул до света, мотылёк.
Представить можно самое нелепое,
пока мерцает лампа Ильича...
Наследник Тутти, обманувший лекаря,
заводит новых кукол с толкача!

РАВНОДУШИЕ

Когда я ем — я глух и ом,
поэтому в ладу, наверно,
с молитвой скучной за столом,
и запахом абсента серным.

Погряз в сомнительных трудах,
чужой бедой замылил око —
так воробей на проводах
не ощущает силы тока.

Прощай, скрипучая кровать —
любовь последняя испита.
Привык о многом забывать,
и меньше думать, чем забыто.

79

Куда бы взор не устремил
во сне, по-прежнему, летая —
до отвращения плоский Мир
покоится на трёх Китаях!

ОКТАБРЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

Унылая пора грибного супа —
космические шорохи в ночи.
Недавно огурцом зелёным хрупал
под самогон, и хвостик не горчи́л.

В паучьих гаммах: до ре ми и до ре —
увяз октябрь, ушибленный под дых.
Шары осин — совсем как помидоры,
что вынуты из валенок твоих.

Мне узловатый ветер не приятен,
одна отрада видеть у реки:
не оставляя в поле белых пятен
плывут коровьих шкур материки!

ОПТИМИЗМ

От понтовой юности прививка —
обещал любить, и был таков...
Быстро ты к слоновнику привыкла —
бьёшь посуду шорохом шагов —
в тесноте такой твоя вина ли...
Слышишь, укорачивая даль,
ветер хриплым хоботом сигналист,
птицу нажимая, как педаль,
запускает пальцы в космы грома...
Если стоя бодрствуешь и спишь —
не приснится рокот космодрома,
а слюну пускающая мышь —
у слона в подошве для забавы.
Вот и ты, на цырлах сквозняка,
за улыбку держишься зубами
чтобы устоять наверняка!

ЯША

Сутулая фигура речи —
выходит Яша на крыльцо:
полощет чаем — нёбо лечит,
ободранное леденцом.

Хватает голыми руками
пилу крапивного листа.
Добро должно быть с Мураками,
а не считалочка до ста!

Довольно глокую кудрячить,
храпеть у бокра на бедре!
Играет ливень кукарачу
на перевёрнутом ведре.

Дверь, закусившая газетой,
шутя, расклинила косяк...
У Яши пятый день с соседкой
не получается никак —

«... и кюхельбеккерно и тошно...» —
гласит наколка на плече.
Печётся по нему картошка,
и дым валит из свч!

ХОДЬБА ПО ЛУЖАМ

ИГРА СНОВ

За что, кривому солнцу вопреки,
одной строкой пробиты две щеки:
от боли даже хрипу невпротык —
пусть вырвет зубы, только не язык!
Пусть по усам, пока могу терпеть,
течёт, как мёд, расплавленная медь.
Там свищет Свифт, светает рано там,
а на ветвях: аппорт и джонатан.
Лежит на кочке, выполнив скачки,
лягушка, как забытые очки.
Звенит, с утра не попадая в тон,
натянутая леска плеска волн.
Падёж скота, винительный коттедж...
Грядёт июль, и запах лип не свеж.
В гнездо заглянешь за пожарный щит —
миноискатель жалобно пищит!

ДОБРЫЕ СКАЗКИ

Чего-то очень жаль, и не понять нисколько —
как мозг ноотропилком ни глуши —
Хоттабыча уж нет, но есть покой и Волька,
и камеры слежения кувшин.
Али-Баба за блажь уволен из театра —
какой щенок крестом пометил дверь?
Блокирует Сим-сим фальшивую сим-карту —
никак не отпирается теперь.....
Котовский, старый Щорс, чего шипеть от злости?
Маршак за всех решил, чего хотят:
спалил господский дом, чтоб не хамили гости,
и превратил племянников в котят!
Откосы парусов стрижи берут в кавычки —
кромешный штиль, закончилась ничьей
жизнь наперегонки, где флагманские спички
поштучно тонут в мартовском ручье.
Дощатые «толчки» наскальных гениталий...
Зашарканные чешки и трико...
Как нас любили те, кто в треугольной таре
за вредность получали молоко!
Мне сказочно везло на мелкие обиды...
Чтоб ощутить былую благодать
попробуй, прежде чем съесть пирожок с повидлом,
с какого края слаще угадать....

ПЕСОЧНАЯ БАЛЛАДА

Песочница, а раньше был мой дом,
где я, в бреду черемуховых веток,
походкой молодого Бельмондо
соседских очаровывал нимфеток.
Листал Толстого, Пушкина усёк —
одна любовь к отчизне филигранна...
Теперь повсюду сыплется песок,
и жизнь груба, как кожа чемодана.
Всему — труба походная, пока
бросает, как торгаш на гирьку, ветер
слежавшиеся в небе облака
минтая в замороженном брикете.
Цыганский откудахтал леденец.....
Двадцатый век, позволь, пока не поздно,
тебя вдохнуть, как жемчуга ловец
с запасом набирает свежий воздух.
Там память рефлексировать давно,
почти — собака Павлова с пробиркой.
И, если жизнь рифмуется с кино,
то в каждом кадре — Ленин и бутылка!

РОМАНС

Кто чешет языком теперь на даче вашей
на счётах шашлыка прикидывая «нал».
Переживёт ли он позор, когда чувашей
великий государь на гвозди обменял?

Кумышки не нальют ему за угрофинна...
Не тянет на цемент мордвин, а перец тот
зажав стакан в руке, споткнётся у графина
и полетит лицом в огонь своих острот.

Вы племенем младым неведомым ведомы
забыли, от пупа желанием горя —
в болотных сапогах бредёт Харон парома
и души за кормой гремят, как якоря.

87

Высверливая жизнь улиткой, по наитью,
забыли, как трещат над лампой мотыльки?
Архивную судьбу возьмут и размагнитят,
чего гадать по стё-ртым лилиям руки...

Останется одно плетёное «Тырново»,
шашлычный счетовод и рядом вы, горда!
Что ж, брошу пить, курить, а кролика — в терновник
куда и сам хочу упасть, но никогда...

ЛЕТНЯЯ ФУГА

Уж вермут близится, а полночи всё нет,
которая ушла за разговором...

Ты навсегда одета в лунный свет:
в твоём саду — Содом и помидоры!

Вокруг неосторожным взглядом брызнь —
чем глубже сон, интрига несуразней,
за это наказаньем будет жизнь —
и нет подлей и медленнее казни!

Решая, кто дотянет до утра
пинцетом муравья таская сахар,
накапай из пипетки комара
в стакан немного Моцарта и Баха!

ОГОРОД

Б. Кенжееву

Расплавленной тыквой окажется завязь —
такая жара, будто не было Ноя,
такое амбрэ — лишний раз убеждаюсь,
Мир создан в Китае, как всё остальное:
ржавеют шприцы однорозовых сосен,
укол под лопатку... прививка — навылет,
фарфоровый воздух в теплице несносен,
который на даче разбили не вы ли?
Ботвой помидорной моя размахался,
что, дустом присыпан и пьяненький малость,
сквозь битумный лак просочился нахально —
скажите светилу, что я извиняюсь!
Тибетские — в хлам, на поруки возьмут ли,
сутулый сэнсей из японского мультя,
меня, с чёрным поясом по камасутре,
на грядке с Бахытом тягаться писулькой?
Досадно корням в унавоженной земле,
когда не пускает рассада налево...
И, взором врезаясь в зелёные перья,
любую морковь принимаешь на веру....

ВОДНАЯ ЖИЗНЬ

С пяток подоткнут и, с нежностью, матом укрыт
изобретённым для крепости духа при гуннах,
выйдешь во сне на футбольное пастбище рыб,
где корабли укачала волна на трибунах:

окунь играет, освистан закат за подкат,
жить поплавку две секунды и — в прошлое канет.
Место прикормлено, зря что ли боги за так
учат согласных мальков шевелить плавниками?

90

Мокрый обрывок вчерашней газеты прочти —
тина жильды нашу память сживает со света.
Лифчик заброшен, губами стальные крючки —
не разогнуть, значит пойман, и песенка спета.

Бьёшь комара — так мишень попадает в снаряд,
с плеском пощёчины, пятнышком новой свободы...
В женщину рядом лежащую вперился взгляд —
вот и войди в неё, словно в кипящую воду!

КАРТЫ И ГОЛУБИ

Мне в «Мартини» достаточно горькой латыни и — баста!
Балтасар, Мельхиор и Каспар — гондольеров зову...
Невесомые голуби гальку клюют для балласта
и на площадь Сан-Марко приносят в тяжёлом зобу.

Проплывают дворцы вдоль канала витриной пирожных,
ванькек-встанек картёжных, в воде от макушки до пят.
Мэстро встречи — нельзя, как и нас изменить невозможно,
потому что гостиница с тонким названием Пьяв.

....а теперь мост Риальто, как карточный веер, горбатый!
Подмигнёт куртизанка, но мне ворковать не с руки:
пусть Андрей Родионов и Марк Шатуновский поддатый
инстинктивно преследуют горлицу с острова Кипр.

91

Ты полюбишь, хорошая девочка, пляжи на Лидо!
Просыпаясь с тобой на муранском стеклянном снегу,
обрету ипостась полосатого идола, либо,
наглотавшись камней, улететь никуда не смогу!

МЕКОНГ

Соцветья падвы — символ чистоты,
бензином, слово Zippo, налиты...
Мангустом отобедала Нагайна:
у мальчиков, зарывшихся в песок,
горят рубцы резинок от трусов
а кто без ног — несут вперёд ногами.

Бамбуковые топи не пылят...
Морская мина, ржавый земснаряд —
на якоре его вставная челюсть.
Дрожат дома на сваях вдоль реки —
по стойке словно смирно пауки
и пеленгуют нас, почти не целясь.

92

Скажите, мати-мати, чей допрос
кому сегодня в рыло, кому в нос....
Кто окрестил Маккартни в честь Полпота?
Пусть с клёкотом по ветру перемен
летят из Сиемрипа в Лонгхуен
сжимая когти наши самолёты!

Пора прикинуть, кто кого надул:
начнём опять в 17-м году
менять арбуз с нитратами на водку!
Спешите, покуда солнце не копит,
добить закат, выплёвывая птиц,
чтоб красный сок стекал по подбородку!

АЛКОЗАЛЬЦЕР

Демьяну Фаншелю

Учился у Менандра Афр Теренций,
Мольер «Амфитриона» спёр у Плавта...
А мне бы просто — в Грецию погреться,
последней электричкой, за бесплатно!

Поможет разохотиться до Рима
туристу, не закованному в латы,
собака у столба, как балерина,
подрагивая вытянутой лапой.

Здесь кормят суши и бобовой кашей.
Жизнь «наших» упоительно дискретна.
Вокруг собора — Кёльн ты мой опавший —
дожди и дорогие сигареты.

Как Гёте, не бросая слов на Вертер,
тебя весёлым взглядом провожают
бомжи — и тут повсюду, доннер-веттер,
упитые лосьоном каторжане!

Им — в жилу исторические враки,
когда бомбили внуков злые предки.
Три короля, хранящиеся в ракке,
заменят им похмельные таблетки!

ГРИЗЕТКА

И. Ж.

Лицо умоешь — капли на локтях
повисли в пустоте, как антиподы...
А ты, май лав, запомнила хотя б:
бумагу неба — в свадьбах и разводах?
Перебирая кнопки бересты,
я так один сегодня, кроме ты.
Гармошка с этикеткой «совиньон»,
неотразима в зеркальце своём!

94

Придётся есть и выкать до вина,
в улитке застревая скользкой спицей.
Навыкате лангусты и луна,
мольберт — молельный коврик живописца.
Париж — улитка в соусе огней —
и башня эльфов путается в ней,
когда, накинув синий капюшон,
фонарным светом вечер расклешён!

Добыть сумеем рыбу без труда,
которая, под кальвадос, свежа ли?
Фуникулёр вцепился в провода,
хвостом внезапной ласточки ужален:
Монмартр сгустился пряно и остро —
вот здесь и поторопимся в бистро.
К том у же, Саркази, стирая грим,
креветок обожает в позе гриль.

Дай руку! Понимаю, что никак
не заплатить по счёту этих карих....
(Чего юлить, наш пастырь — Пастернак,
бурбоном промышлявший в тары-барах...)
Теперь в местах известных вместо ягод
китайские бигмаки в форме пагод...
Позволь и мне такому, что не весть,
тебя жалеть за то какая есть!

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

Откупорь старое кино, где первый кадр шенгенской визы —
гостиница, всё включено: свет, холодильник, телевизор.

Балконы поросли бельём сбежавших на пленэр девчонок...

Что в Римини тебе моём на Данте виале в Риччоне,
переживая Амаркорд субботним днём в толпе бесхвостых
друзей, ревнителей свобод, которые протяжный воздух
засасывают, как стакан до синевы на подбородке?!

(не покупай у молдаван венгерские косоворотки!)

В забое древних дискотек добыть несложно чёрный Гугл —
цепями, будто пленный грек гремя, жара идёт на убыль.

Поймав, заблудшую овцу на бойню тащит добрый пастырь,
чтоб мясо завернуть в мацу, запить вином и сдобрить пастой —

96 у повара кишка тонка и кетчупом облита тога...

пусть брызги молний с потолка внезапны, будто мысли Бога!

Пора бы стариной тряхнуть: лицом к лицу, в пылу забавы,
пройдём скорее этот путь по макаронине зубами!

САКАРТВЕЛО

Танцующий лезгинку шесть веков
оброс Тбилиси шерстью облаков —
оттуда и прядётся нить Кавказа.
Куру с Арагви Лермонтов связал:
у Грузии зелёные глаза
и гибкий стан девицы, что ни разу.

Я здесь гнездо стеклянное совью
чтоб миндалём украсить жизнь свою.
Шелковица икру и пудру мечет,
как будто запах чачи ни при чём,
цепляет ветер гаечным ключом
и с болью выворачивает плечи,

97

захочешь — колыбельную споёт..
Приходит время «запад-на-перёд»
туманом на коленках горы штопать.
А в Кобулети, ниже на этаж:
напоминает губы целаваш,
аджарский хачапури — глаз Циклопа:

холодной пеной море врёт в лицо,
не дождь идёт, а горькое винцо,
овечьим сыром небо быть могло бы
где смерч на горизинте до краёв
налит, как рог, и только грома рёв,
и голоса навстречу: гамарджоба!

РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ

«хлеб наш насущный и кока-колу»

98

Не кормили давно, вот и кормчий суров,
что полвека катает народ на галерах.
Сколько будущих Павлов, Иуд и Петров,
Ивановых ещё пострадает за веру?
Будто тёрка, язык твой шершав, еретик —
где внебрачное папство твоё протекает?
В каждом храме открыт суеверный бутик,
кока-колу и ту продают в Ватикане.
В царстве Божьем укажут перстом на кого?
Средь оливковых куш ни просвета, ни звука:
перекинут со склона на склон богомол —
пожиратель крамолы, и внук акведука.
Из бутылки тосканскую грусть не разлей,
сообщи в интерпол, если я не успею
на скаку применить колизеевый клей,
алебастром заполнить пустоты Помпеи,
предстоит ли мне Плинием перхоть в дыму,
дегустируя виски шатурского торфа....
разобраться пора, почему и кому
оставляю в кафе чаевые за кофе?
Можно ль обществу Понтия ставить в вину
то, что новый мессия пойдёт на пилатас,
а потом, разменяв на копейки луну,
у фонтана Треви загадает желатто?

МОСТ ВЗДОВОВ

Как тост анекдотичен и непрост,
в костюме Арлекина крут без меры,
ты знаешь, что с изнанки каждый мост
отполирован шляпой гондольера.
Похмельные попутчики хотят
холодной граппы — кьянти было мало,
чтоб мягкие морщинки на локтях
не осязали рустику канала.
Словами, будто брызгами играй,
летающими с весла: *Nasta la vista!*
Прихлёбывает воду через край
Венеция под тяжестью туристов...
Какую деву выберешь в пути
корпеть над улучшением породы?
Когда в карманах душных паутин
созвездия мерцают, как диоды...
Нос Казановы куплен за пятак.
Замри, зарывшись в плащ, как в занавеску,
пока в свою салатницу закат
кровавую морковь натрёт до блеска!
Охотник из Кортези-кон-Чиньон,
гондолу оседлал опять в ночи я —
разбит мосол уключины её,
и точит нож вокзал Санта Лючия!

НИМФА ФАНТХЬЕТА

Компас врёт и часы на руке неверны.
Мне ещё предстоит, предсказаниям вторя,
управлять многовёсельным ливнем луны
в первобытном бульоне Китайского моря.

Эти пальмы когда-то дружили с Москвой...
Попытаюсь сегодня, прокуренный циник,
в жёлтой пене волны обрести статус кво,
как лягушка — в жабо водяных гиацинтов.

В забегаловке, с треском ломая хитин,
лопоть лопстера — прелесть! Но с дамами — слабо.
Дёрнув пива, уже прогуляться хотим
вдоль отлива, где звёзды и мелкие крабы,

где на фото косая девчонка с косой,
дуракам предлагает объятия с коброй...
Не артачься, славянскую душу присвой
и не щёлкай затвором, пока дядя добрый!

Посмотри, в темноте даже месяц пузат —
фотовспышкой к нему не дотянется «кодак».
Что-то с нами случится неделю назад —
если минет четверг и позволит погода!

Дай займы восемнадцать отчаянных лет —
токо рыбы вокруг, и фонарики токо...
Я тебя научу танцевать менуэт,
обнимать и делиться со мной силой тока!

БЕЛЫЙ СОН

В густой воде пролива Лаперуза
медузы безразмерны, как рейтузы.
Хабаровск спит, а порт Владивосток
втирает спирт в простреленный висок...

Чтоб спали с миром Унгерн или Каппель
в Байкал накапай ландышевых капель...
Затылком рёбра Бама осязай,
вонзай в Поволжье шпоры и – банзай!

«Славянку», что до этого играла,
заело на царاپине Урала,
где даже с царским золотом вагон
умело притворятся врагом!

ВРЕМЯ БАЙКАЛА

«...лучше гор могут быть только море...»

Изъездишься — в пыль, посещая священный Байкал,
в попутном кафе принимая бурятские позы,
где в кожу асфальта простор, как гвоздей, навтыкал
былинки стихов и отточия чеховской прозы.

Здесь быть осторожным природа заставит сама —
устало забулькивать пивом вечернюю копоть:
сплетаясь, ползут два ужа — Баргузин и Сарма
сквозь девичий стыд чабрецом истекающих сопок,

102

им время — людей будто крошки сдувать со стола,
высасывать с болью траву-камнеломку из трещин,
пока напрягает двуглавую мышцу орла
урла облаков, и сама от натуги трепещет.

Как тянется время, когда погружается в сон
холодное море, в укусах огней поселковых...
Шагами наладишь цепную реакцию псов
на свору ворон, пролетающих, словно подковы!

Тяжёлому солнцу недолго в разливе берёз
моторной ладьёй, не знакомой с законами Ома,
на грани провала греметь на подшипниках гроз
с охапкой сетей, что не терпится бросится в омуль...

БУХТА «ЗОЛОТОЙ РОГ»

Осень цвета тунца, ты меня изабелла...
занавеску трясут муравьи сквозняка,
склянки бьют по ушам моряков, и за дело —
ночь сейчас поминутная наверняка:
Ну и что, отмаячили ляжками пляжи —
августовский загар, как горчичник отсох.
Значит Владивосток в карауле повяжет
восемь чёрных своих часовых поясов.
По Светланской вильнёт праворульная «Хонда»,
барабанную дробь отрясая с хвоста —
не держи моё сердце, японская морда,
в лёгких палочках света, как в клюве клеста.
Эти сопки негнушимся ветром вскопали —
всюду лезет луна, будто ищет врага!
Волны сделаны из нержавеющей стали,
чтоб колоть корабли и пилить берега.
Забухав, не услышишь портового мата,
различая туман акватории, где
лебединую шею согнул экскаватор,
на пуантах понтонов скользя по воде...

МИСТРАЛЬ

Песком в сандалиях мешает время оно
тому, кто ночь за кружкой просидел.
Камчатский краб — грудная клетка Посейдона —
годится на закуску по сей день.

Мистраль усердствует, как с обыском Колумбо
Будвайзер разливает на двоих —
толкает волны, словно ящики комода —
заглянет и захлопывает их.

Зарывшись в лифчики русалочки и блузки,
не чаёт воздаянья за труды
переводить холодный ветер на французский,
выдавливая камни из воды.

Сирена маяка на грани паранойи:
купил цветы — а подарил жене...
Весь день, в предчувствии потопа, сердце ноет,
и тьма улик покоится на дне!

ДОРОГА НА ЛУМБИНИ

Любит дождь обрывы штопать —
сам, бродяжка, бос и рван...
Лезут в гору шерпы в шортах —
до свидания, Читван!
Склон — заплатка на заплате,
зажелтел в терассах рапс.
Только тучи рвёт Парвати
и бросает клочья в нас!
И блестят, полны тумана,
на уступах сквозь кусты
тонкостенные стаканы
запотевшей высоты.
Перевал. Автобус «Тата»,
у жаровен моют рис.
Мост над речкой на канатах
оттолкнулся и повис.
Букли листьев отшумевших
в перевязанных дровах —
парики у тихих женщин
на упрямых головах:
так по воздуху ступая
проплывают, на весу —
дай им волю — Гималаи
на затылках унесут!
Ганга, девушка непали,
что там у тебя в огне?
Режь имбирь с гвоздикой али
пища будды не по мне?
Я к тебе летел из пушки
отдохнуть от новостей...
Выпив ракши (где же кружка?)
мы простимся: «намастэ»!

НЕПАЛ

Опять Кали-Юга...простите меня, подлеца,
индусские боги с разодранной кожей лица,
когда у торговцев я вас из-за пазух краду
вопит попугаем и блеет козой Катманду!
И вертит во мраке над ним на ходу холостом
хребет Аннапурна светящимся рыбьим хвостом!
Ищу, одуревший от специй и пряностей спец,
в проулках Тамеля отель, а не то — катмандец!
Забреют в монахи иных социальных лекал
меня, чтобы Шиву кроил или духом не пал.

ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ

Луна устроилась пшённой кашей на рельсах слоем —
которым ночью не будет страшно, пока их двое!
Полозья света с горы стекают на дно оврага
по скрипу шпал, что удав спирает спиралью мрака.
Тобольск с Тюменью забыты Богом и Богандинка —
в неё нефтяник упёрся рогом, растёр ботинком...
Был мир когда-то пушист и зелен, теперь измучен
и пуст — как будто об эту землю убилась туча —
он по-китайски во сне лопочет, когда без спроса
на запад гонит цистерны ночи экспресс мороза!

В ПУТИ

За шторкой в ладошки играетя Ладога.
Качается месяц, что вышел из моды.
Я жив, наконец, и на плечиках пагоды
дождался плащом подходящей погоды.
Любезно звенеть подстаканником некогда,
поэтому страх за планету неведом —
начищенной фиксой, как рыбкой из невода,
сверкнул и прикинулся добрым соседом.
В цыплёнка вонзилась попутчица Люда —
уверена, что я не вру — маневрирую.
Усталого неба не мыта посуда
и выпь из болота непьющих нервирует...
На полках скрипят молодые соседи —
на Север спешат, предварительно выпив,
где трутся об ось восковые медведи,
как будто вправляют хронический вывих.

СУДАК

Ковчег не промахнётся мимо Крыма
что позолотой слез с карандаша —
За пазухой его джанкойский рынок
подсолнухами жарко надышал.

В лохани черноморского компота
полмесяца — сплошной шурум-бурум...
Последствия всемирного потопа
на карандаш истории беру,

когда в глазах темно уже от вздора,
я с коньяком наведалься сюда
мечтать о дне умеренного моря,
где всё одно — и воздух, и вода!

109

Сюда, где раскололи побережье
рогатых гор тяжёлые скачки...
Любовь ушла, а Вере и Надежде
дарю солнцезащитные очки!

УДАРИВШИСЬ ЛОКТЕМ

Немыслимо сбежать от цвета беж —
настолько жизнь вокруг ветхозаветна,
пока играет в ножички главреж
и об асфальт заточен вектор ветра.

Забытая царапина кровит,
напоминая жженьем вой сирены.
Закованный в мадженту и графит,
застыл Лаокоон куста сирени.

Созвучья, словно бусины бросай
в молчание природы после линьки —
фехтует хрупкой молнией гроза,
защищена плетёной маской ливня!

Проверим напряжением струны
какая у кого рок-группа крови,
а если сердце с правой стороны —
неуязвимо отраженье, кроме

мучительной стрельбы поперх голов
глазами, разминаясь для сутрева,
чтоб умиляться, словно Гумилёв,
слагая абиссинские напевы.

ПРАЗДНИК

Утиное горло болит саксофон —
подсадка на тяге, где хлопает ряска —
в смычках камыша нежно крякает он,
вокруг — карнавала оральные маски.
Запуталось небо в сигнальных огнях,
стекающих, будто расчёсы от зуда...
Врагу не сдаётся наш крайслер варяг —
поэтому пушки стреляют оттуда.
На площади блеют, мычат, верещат,
играет легенда заезжая — «Смоки»:
Народу не вредно курить натошак —
наташит портвейна, и всё ему покер.
Хотели работать, так негде ведь, блядь!
В стране дураков проживая по найму,
готовы такое на виру принять,
что вряд ли удастся отделаться майной!

ЭФФЕКТ КРАСНЫХ ГЛАЗ

За окошком, в прорехи черёмух
лезут тонкие пальцы огней.
Провожаешь гостей незнакомых,
замерзая в снегу простыней,
иероглиф любви, эге-гейша,
ночь разлуки ещё не мораль
пусть отравится бабой простейшей
не простивший тебя самурай —
он презреньем к судьбе прорезинен,
недоступен, как громоотвод.
На трубе добрый филин Феллини
сочиняет как раз Амаркорд...
или — злая сова Куросава
точит клюв, точно нож для суши...
Кто спасителем явится самой
несейчасной японской души?
В западне бьётся западный ветер
сердцем трепетных гадин — гардин.
Красноглаз, чисто выбрит и смертен,
успокойся, он тоже — один!

ПАДЕНИЕ ВО СНЕ

Легко засыпаем на чашах созвездья Весы,
где пар изо рта образуется в точке росы —
по чёрному бархату нас доведёт по прямой,
записан губами, он знает дорогу домой!

Озона не будет. Армстронга следы не видны.
Труба завывает, и — в ямочках щёки луны.
Пока занимается пчёлами млечный дымарь,
увял на рассвете и шею повесил фонарь.

Цветочным горшком облетает орбиту болид,
но бдит астроном, Ванька Мокрый, и в оба глядит!
Звучит нота перец, а значит, как в сказке, изволь
делить языком, что осталось, на сахар и соль...

ЗАВТРАК НА ЗАКАТЕ

Под козырьком накапливая впрок
людей дождя, качается на месте
трамвайной остановки поплавок,
когда весь мир — театр военных действий,
ему не отвертеться от винта
разъятых в бесконечности галактик —
меняет закулисный инвентарь
Вселенная, как выцветший халатик,
чтоб каждый показал во что горазд:
как альтер эго Стивена Сигала,
Снегурочка, в прикиде «адидас»,
поит коня троянского мангала —
какое счастье сверзиться с котурн,
сорваться в трезвость, не меняя позы!
У ангелов сегодня перекур
поэтому и вспыхивают звёзды,
сгорают со стыда стада комет....
Расхожий гений, что бы не кумекал,
не спрашивай по ком звонит омлет —
всё плагиат уже от древних греков!
Кто вспомнит о тебе, что был таков
большой и белый, как глоток кефира?
Но водяные знаки облаков
ещё не признак подлинности мира!

ПРОЩАНИЕ В ИЮЛЕ

В работе лепнина тумана,
достаточно ила с песком —
скользить по наклонной туда нам,
вцепившись в перила пустот.

Эпоха застыла нелепо,
но ты продолжай, как привык,
стекло запотевшего лета
нести на ладонях прямых.

В покоях берёзовых просек
увидишь сквозь линзу слезы —
распорота молния в профиль
на мокрой газете грозы!

115

Началом июльского блуда
копи благодарность судьбе...
А та, что вернётся оттуда
подарит надежду тебе!

ХОДЬБА ПО ЛУЖАМ

чайка — плавки Бога

Люб уразу в начале мая,
оглохший город бороздя:
Аптека, улица, пивная,
и пена в дырках от дождя.

Обрыдло, отражаясь косо,
воднёх по улицам бродить,
дразнить эпоху, как барбосу
кусочком сахара грозить!

116

Расклеишься, а то с изнанки
примеришь возраст призывной —
призывно любопытной самке
трубя в сирени проливной,

где просто близость — признак блуда,
щека к щеке — щелчок реле...
она в болотосе, как будда,
замрёт в нирване, на стреле,

на кочке — квантум милосердия.
Где жгутся муравьи, как йод.
Насвистывает верба Верди —
резвяся, ношпу ношпой бьёт!

Давненько не играя в шашни,
поймёшь, как символы пошлы:
поддельных тапочек домашних
фальшивых палочек ушных....

Согрей мне сердце, недотрога!
Шуршит в ладони майский жук,
и ласточки, как ласты Бога
гребут без устали вокруг!

ФРУСТРАЦИЯ

Гам детей за окном, надоели скворцовые гаммы.
Резко вскочишь с кровати — поднимется шум в голове:
занавеску знобит, будто ветер болтает ногами
и съезжает со стула и хнычет в капризной траве.

Не начавшись, кино погрязает в соплях и римейке:
поцелуй Бекки Течер, забор, вислоусый Марк Твен...
Вот и Мекка твоя — переставлены в сквере скамейки,
и чернее Каабы в картонном стакане портвейн.

118

Развязался язык, превращая в процессе молебна
нимбы в ямбы и наоборот — вот и вся правота,
только — страсть удержать на весу беспилотное небо,
что боится порезаться, падая на провода.

Кто такая тебя, распряжёт и в любви не откажет?
Можно ручку свернуть, но кабинка уже занята.
Как песчинка в глазу, ты становишься частью пейзажа,
распадаясь легко на ионы во чреве кита.

Желтизной перевит, надвигается воздух сезонный —
нараспашку идёшь, напрягая от удали пресс!
Улетишь ли в Москву... А в ночном самолёте все — Зорро,
и на месте луны кнопка вызова для стюардесс...

КОГОТКИ

Устав опустевшего стойла прочтя,
имеющий право на это, в скрижали
заносишь заразу со слов трепача,
который сосулькой в затылок ужален.

Реальность безумна, а мифы — ничто,
приятно любимой натягивать гольфы!
Оконную раму взвалив на плечо,
займёшь, словно очередь в лифт на Голгофу!

Нас время, как тину, цепляет веслом
и в тёмную воду бросает циклично...
Позволь, коль приехать окажется влом,
по скайпу подёргать тебя за косички,

119

экраномарательница и т. д.,
слов нежности я не сморозил ни разу —
лови на прощанье, волшебной тебе,
охапку ромашек горящего газа —

а может оно «коготками» звалось....
Всей кожей календулу эту запомню,
утиное кряканье мокрых волос,
и губы взасос — под горячей ладонью!

МГА (ТОЛЬКО ВПЕРЁД, ТАТ.)

Вдохновенье настанет, но прежде
электричеством даст по рукам:
расписавший нефритовый стержень
попадёт не впросак, а в канкан!

Чем избыточной тем — тем противней:
ты один, в окружённой среде,
контргайкой зажат на штативе,
а вокруг — бедуины в беде.

Надоело скрипеть парусами
на зубах, или хлопать дверьми!
Только мир заводной вместе с нами,
не поймёт, куда катимся ми...

Что там зиждется — тлен или завязь,
тишина, или снова пальба —
разберёшься, на небо взбираясь
по кудрявому стеблю боба.

Не грядёт ли кабацкая драка:
то заноеет скула, то — поддых....
Бог не выдаст по полной, однако,
задолжает сто грамм боевых.

Обернётся правителем шизик,
брызнет солнце в кромешную ночь —
ничего нет причудливей жизни,
даже то, что представить невмочь.

КЛАДБИЩЕ МЕТАФОР

Кенарем распеться не успею —
опера повесилась на гласных...
Кто бы помнил, что струсилось с Помпеей,
если бы у Плиния не астма!

Видишь, в закромах духовной пищи,
уцелел один словарь толковый,
потому что, где светлее, ищем
между строк, а днём — согонём в подкову.

Научившись воровать и красться,
сыт одним, что вечности потрафил,
с бодуна, плеснул в четыре краски
скан воды на кладбище метафор!

121

Потому что сердце, как бутылка,
бьётся, а стакан души залапан.
Велика печаль скрести в затылке,
где и так полно уже царапин....

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

НИЩИЙ	12
ЮНОСТЬ ПЕТРА	13
НЕБО ВОКРУГ	14
БАБЬЕ ЛЕТО	15
КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС	16
ТИШИНА	17
РАННЕЕ УТРО	18
«ОМИК»	19
СУМЕРКИ	20
КЛЮЧ ОТ СТРАХА	21
НАНОВЕСНА	22
ПРИВЕТ ТЮТЧЕВУ!	23
ИЮНЬСКИЕ СЛЁЗЫ	24
ОТРАЖЕНИЕ	25
АПРЕЛЬСКИЙ МАРШ	26
ПОЛНОЧЬ	27
КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ	28
СВОБОДА	29
ПРЕДЧУВСТВИЕ	30
СЧИТАЛОЧКА	31
ДЕРЕВЯШКА	32
НЕГАТИВ	33
ОСЕННИЙ СОН	34
НАЧАЛО СВЕТА	35
БЕЛАЯ ГВАРДИЯ	36
ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО	37
НЕДОЛЁТ	38
ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ	39
РАЗЛУКА	40
ПРИВЕТ, ВЕСНА!	41
ОТПУСКНОЕ	42
БЕСКОЗЫРКА	43
ЮНОСТЬ	44
БЕССОНИЦА	45
МАЛОСТЬ	46
ОКТАБРЬСКИЙ ТОСТ	47
ЛИСТОПАД	48
ПОДМОСТКИ ЛЕТА	49
ЗАПОЗДАЮЕ	50

ТАКАЯ МУЗЫКА

ДОЛГИЕ ПРОВОДЫ	52
ВЕРХНИЙ УСЛОИ	53
ЧТО БУДЕТ—ЧТО БУДЕТ!	54
СЛУЧАЙНАЯ СВЯЗЬ	56
ЧЁРНЫЕ ОЧКИ	57
АРИФМЕТИКА ФАРТА	58
ТАКАЯ МУЗЫКА	59
ВОР РОСЫ	60
ВОТЬ	61
БАЛЕРИНА НА КОРАБЛЕ	62
ПРИЗМА ОКТАБРЯ	63
МОРАЛЬ	64
ПЕСНЯ СОЛЬВЕЙГ	65
СТИХИ	66
ВОЗМЕЗДИЕ	67
ПОХОТЬ	68
ПОСЛЕДНИЙ БЛИН	69
ИЗМЕНА	70
МЕДИТАЦИЯ	71
АТЕИСТИЧЕСКОЕ	72
КРИЗИС ЖАНРА	73

ХОДЬБА ПО ЛУЖАМ

ИГРА СНОВ	84
ДОБРЫЕ СКАЗКИ	85
ПЕСОЧНАЯ БАЛЛАДА	86
РОМАНС	87
ЛЕТНЯЯ ФУГА	88
ОГОРОД	89
ВОДНАЯ ЖИЗНЬ	90
КАРТЫ И ГОЛУБИ	91
МЕКОНГ	92
АЛКОЗАМЬЦЕР	93
ГРИЗЕТКА	94
СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ	96
САКАРТВЕЛО	97
РИМСКИЕ КАНИКУЛЫ	98
МОСТ ВЗДОХОВ	99
НИМФА ФАНТХЬЕТА	100
БЕЛЫЙ СОН	101
ВРЕМЯ БАЙКАЛА	102
БУХТА «ЗОЛОТОЙ РОГ»	103
МИСТРАЛЬ	104
ДОРОГА НА ЛУМБИНИ	105
НЕПАМ	106
ПОПУТНАЯ ПЕСНЯ	107
В ПУТИ	108
СУДАК	109
УДАРИВШИСЬ ЛОКТЕМ	110
ПРАЗДНИК	111
ЭФФЕКТ КРАСНЫХ ГЛАЗ	112
ПАДЕНИЕ ВО СНЕ	113
ЗАВТРАК НА ЗАКАТЕ	114
ПРОЩАНИЕ В ИЮЛЕ	115
ХОДЬБА ПО ЛУЖАМ	116
ФРУСТРАЦИЯ	118
КОГОТКИ	119
АЛГА	120
КЛАДБИЩЕ МЕТАФОР	121

ТАКАЯ МУЗЫКА

ДОРОГА	74
НЕ МОЁ КИНО	75
НЕВЫНОСИМАЯ ЛЁГКОСТЬ БЫТИЯ ..	76
ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ	77
ПРИШЛА ПОРА	78
РАВНОДУШИЕ	79
ОКТАБРЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ	80
ОПТИМИЗМ	81
ЯША	82

